

К ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ ВО II ПОЛОВИНЕ XVIII- НАЧ. XIX ВВ.

Искендерова Марзия Сабир гызы

*Института истории
им.А.А.Бакиханова Национальной
Академии наук Азербайджана
marziya.i53@mail.ru*

Ключевые слова: азербайджанские ханства, экспансионистская политика, Екатерина II, религиозный фактор, колониальная сущность

Геополитическое и геостратегическое значение Азербайджана, как и Южного Кавказа, в целом для имперских планов России способствовало тому, что политика России в данном регионе в XVIII-нач.XIX вв. всегда находилась в центре внимания научных исследователей. В статье предпринята попытка проведения историографического анализа трудов некоторых представителей современной историографии, посвященных изучению российской политики в Азербайджане и ее этапов во II половине XVIII–нач.XIX вв. Раскрываются позиции авторов в отношении доминанты в политике России ее интересов в Азербайджане, как и в Южном Кавказе в целом. Работы современных исследователей, посвященные изучению данных вопросов, позволяют проследить гегемонистскую политику царизма в данном регионе.

Историографическая разработка указанных трудов дает возможность пронаблюдать отказ от идеологизированного подхода советской эпохи к исследуемой проблеме, что способствовало выявлению этими учеными главной - колониальной сущности политики России в Азербайджане в указанный период.

XVIII ƏSRİN II YARISI - XIX ƏSRİN ƏVVƏLLƏRİNDƏ AZƏRBAYCANDA RUSİYA SİYASƏTİNİN TARİXİNƏ DAİR

İskəndərova Mərziyə Sabir qızı

Açar sözlər: *Azərbaycan xanlıqları, ekspansionist siyasət, II Yekaterina, dini amil, müstəmləkə mahiyyəti*

Rusiyanın imperiya planlarında Azərbaycanın, bütövlükdə Cənubi Qafqazın geosiyasi və geostrateji əhəmiyyəti Rusiyanın XVIII-XIX əsrin əvvəllərində bu regionda həyata keçirdiyi apardığı siyasətin elmi tədqiqatçıların daim diqqət mərkəzində olmasına səbəb olmuşdur.

Məqalədə müasir tarixşünaslığın bəzi nümayəndələrinin XVIII əsrin ikinci yarısı – XIX əsrin əvvəllərində Azərbaycanda Rusiya siyasətinin və onun

mərhələlərinin tədqiqinə həsr olunmuş əsərlərinin tarixşünaslıq təhlilinə cəhd edilir. Müəlliflərin Rusiyanın Azərbaycanda, bütövlükdə Cənubi Qafqazda maraqlarına və siyasətindəki əsas məqamlara münasibətdə mövqeləri açıqlanır. Müasir tədqiqatçıların bu məsələlərin tədqiqinə həsr olunmuş əsərləri çarizmin regionda yürütdüyü inhisarçı siyasətini izləməyə imkan verir.

Bu əsərlərin tarixşünaslıq təhlili tədqiq olunan problemə sovet dövrünün ideoloji yanaşmalarından imtina edildiyini müşahidə etməyə imkan verir ki, bu da həmin tədqiqatçılar tərəfindən Rusiyanın bu dövrdə Azərbaycanda apardığı siyasətin müstəmləkəçilik mahiyyətini üzə çıxarmağa kömək etmişdir.

RUSSIAN POLICY IN AZERBAIJAN IN THE SECOND PART OF THE 18TH CENTURY

Iskenderova Marziya Sabir

Keywords: *Azerbaijans khanats, expancy policy, Catherine II, the religious factor, colonial essence*

The geopolitical and geostrategic importance of Azerbaijan as well as the South Caucasus in general in Russia's imperial plans contributed to the fact that Russia's policy in this region in the XVIII century has always been in the spotlight of researchers. This article examines a historiographical analysis of the scientific works of some representatives of modern historiography, devoted to the study of the expansionist policy of Russia in Azerbaijan and its stages in the second part of the XVIII century.

The factors that determined the special importance of Azerbaijan in the aggressive South Caucasus policy of Russia in this period were argued and objectively studied in this article.

Введение. Изучение политики России во II пол. XVIII-нач. XIX вв. в Южном Кавказе, в т.ч. и в Азербайджане, не теряет своей актуальности и привлекает внимание исследователей, так как последствия этой политики оказывают влияние на судьбу азербайджанского народа и сегодня. В предлежащей статье предпринята попытка историографического анализа основных особенностей восприятия некоторыми современными историками ряда аспектов политики России в Азербайджане во II пол. XVIII – нач. XIX вв. – одном из определяющих этапов всей восточной политики России. Данная историографическая разработка вытекает как из необходимости объективного подхода к изучаемой проблеме, так и обусловлена отсутствием специального, комплексного историографического исследования с реальной оценкой политики России в Азербайджане в указанный период.

В работах историков советского периода, освещавших данную тему, имело место следование конъюнктурным требованиям того времени, субъективный подход к освещению определенных вопросов. Кроме того, события современности делают необходимым освещение этих вопросов под другим углом зрения, в новом ракурсе. Если предшествующие авторы особо подчеркивали стремление России овладеть сырьевыми ресурсами этого края, превратить край в рынок сбыта для товаров российских мануфактур, т.е. особо акцентировали внимание на экономических аспектах этой политики, навязываясь читателям мысль о спасительной и прогрессивной роли российских завоеваний в Южном Кавказе, то в современной историографии особое внимание уделено вопросу о том, насколько российская экспансия в Южный Кавказ была звеном во взаимоотношениях России с государствами как Передней Азии, так и Европы.

Основной текст. Во II пол. XVIII в. для осуществления царской Россией заветных целей, связанных с территорией Азербайджана, сложились благоприятные условия: после смерти Надир шаха его государство распалось на отдельные ханства и владения. В границах исторических земель Азербайджана возникло более 20-ти независимых и полузависимых ханств. Раздробленность и междоусобицы на территории Азербайджана делали ханства не обороноспособными, что способствовало активизации здесь российской политики, и привело в первой трети XIX века к завоеванию царизмом территории Северного Азербайджана.

Говоря об отношениях, сложившихся между Россией и азербайджанскими ханствами в рассматриваемых работах показана преемственность издавна заложенной политики России в Южном Кавказе, в частности - в Азербайджане. Авторы справедливо отмечают, что сложившаяся в Азербайджане после смерти Надир шаха феодальная раздробленность создавала благоприятные условия для реализации захватнических планов России. Раздробленное положение Азербайджана с сопровождающими его феодальными междоусобицами, вызванными разногласиями между ханствами, объективно относят к числу факторов, способствовавших проискам и Османской, и Гаджарской империй в Азербайджане, а также верно рассматриваются как преграда, на пути создания единого централизованного государства [1, с.44,48; 2, с.94]. По мнению исследователя О.Кузнецова, очевидно оправдывавшего имперские замашки, именно отсутствие единого централизованного государства на территории Азербайджана явилось главной причиной его раздела в последующем крупными соседними державами [3, с.37-38].

В ряде работ авторы обоснованно утверждают, что Азербайджан является центром столкновения интересов не только вышеуказанных

государств, а также стран Западной Европы – Англии и Франции, что также стало фактором, препятствовавшим созданию в Азербайджане централизованного государства [4,s.541].

Азербайджан занимал значимое место в восточной политике России, которая стремилась к завуалированию своих истинных целей, демонстрируя якобы дружественное отношение к азербайджанским ханствам в годы российско-османской войны (1768-1774 гг.), но при этом отправляла российские экспедиции сюда с разведывательной целью [4,s.536].

Вместе с тем, анализируя вопрос о позиции азербайджанских ханств в этот период, рассматривая их союз с единоверным Османским государством, авторы особо подчеркивают вынужденный характер ориентации азербайджанских правителей на Российское государство, обусловленной его военной мощью [1,c.141].

Авторы характеризуют позицию России в отношении ханств Азербайджана в целом как выжидательную. Вместе с тем, рассматриваемые ими вмешательства России в дела Губинского и Гарабагского ханств являются ярким подтверждением вышеотмеченной преемственности и последовательности российской экспансионистской политики в Азербайджане.

Так, очень показательным является рьяное сопротивление царизма объединительной политике Фатали хана Губинского и ряда азербайджанских правителей, так как объединение Азербайджана не соответствовало гегемонистским интересам России. В их попытках создать единое государство в Азербайджане авторы справедливо видят фактор, тормозящий реализацию давно вынашиваемых захватнических планов России в данном регионе [1,сс.32-34,50,99; 4, s.533].

Дифференцированный подход к поэтапному рассмотрению взаимоотношений азербайджанских ханств с Россией позволяет выявить и двойственный характер ее политики, что обстоятельно разработано в исторической литературе. В частности, яркое отражение нашли вопросы, связанные с военной помощью Фатали хану Губинскому со стороны российского правительства в восстановлении его власти, выразившаяся отправкой российских войск во главе с де Медемом, а затем и причинах осложнения взаимоотношений их, а также других азербайджанских правителей [1,c.86-97]. Своего рода «лакмусовой бумажкой» для проявления истинных целей России авторы считают Георгиевский трактат 1783 г. Россия отказывалась признавать независимую позицию азербайджанских ханств, выступавшую фактически в противовес Георгиевскому трактату [4,сс.536-537,538-539]. В царской политике наблюдалось стремление препятствовать усилению азербайджанских

ханств и «подчинение интересов азербайджанских ханов политике грузинского царя и поиску решений для создания армянского государства» [1,с.102]. Правда, следует отметить, что авторы пытаются объяснить уход де Медема давлением на управление внешней политики России, как со стороны Ирана, так и Османского государства [4,с.533].

Убеждаясь в двойственной в целом позиции российских властей в отношении азербайджанских ханов, в ряде работ прослеживается целенаправленная царская политика в отношении поддержки христианского-армянского населения с целью создать на азербайджанских землях христианское государство [1,103].

При рассмотрении вопроса о претворении идеи создания буферных государств в Южном Кавказе со стороны России и авторы раскрывают не только предназначение этих государств в качестве щита против османских и гаджарских войск в данном регионе, но и акцентируется внимание на роли картли-кахетинского царя в качестве орудия реализации российских планов. Подписание Георгиевского трактата рассматривается как полтверждение доминирования собственных амбициозных устремлений России в данном регионе [1,с.149,150-151].

Более того, в работах особо констатируется отрицательное влияние этой политики на взаимоотношения Российской империи с азербайджанскими правителями. Эта же политика вызвала вынужденное сближение азербайджанских правителей с Османским государством после подписания Георгиевского трактата. В связи с этим уместно и объективно звучит следующий вывод: «Хотя все эти государства (Россия, Османское государство и Гаджарский Иран – М.И.) и преследовали одну цель – овладение территориями Азербайджана, однако пытались реализовать ее различными методами, в первую очередь, исходя из своих военных, дипломатических и экономических возможностей» [1,с.256].

В одной из статей, изданных в сборнике «Россия и Кавказ: история и современность», говорится об арбитражной роли России во взаимоотношениях южнокавказских правителей и о соответствии развития отношений с Картли-Кахетинским царством интересам южнокавказской политики России после Георгиевского договора [5,с.156,157,160].

В историографии укоренилось мнение, что Россия применяла в своей захватнической политике в южнокавказском регионе традиционный для нее политический принцип «разделяй и властвуй», используя при этом «армянский фактор» и стремясь сыграть на конфликте между гарабагским ханом и меликами, продолжая начатую со времен Петра I политику покровительства христианам в мусульманских странах [6,с.38].

Вместе с тем, уместна со стороны авторов конкретизация действий царского правительства в его определенные периоды взаимоотношений с азербайджанскими ханствами, в частности, от упоминаемого ранее завуалированного желания установить дружественные отношения до умеренной политики. Тем более, что успех России в российско-османской войне 1787-1791 гг. определил твердую политическую линию царизма в данном регионе.

Здесь уместно будет обратиться к рассуждениям исследователя Бочарникова. Так же, как и большинство российских исследователей советского периода, он не только выдает азербайджанские ханства за провинции Ирана, не воспринимая их как независимые государственные структуры. Отодвинув в своей статье азербайджанские ханства на задний план, автор подчеркивает внимание российского правительства к Грузии и к «Армении». Непонятно, о какой несуществующей «Армении» в Южном Кавказе может идти речь. Вместе с тем, Бочарников ссылается на «часто повторяющиеся дерзости ханов», пытаясь выдать в качестве причины предполагаемого похода во главе с Суворовым в данный регион необходимость «усмирить их силой оружия» [7].

В то же время, Бочарников приходит к объективному выводу о том, что «уже во второй половине XVIII века вопрос о присоединении Закавказья к России, как части общего восточного вопроса, перешел в область практической реализации». В целом кавказский политический курс царизма являлся важнейшим стратегическим плацдармом России в ее восточной политике [7].

Авторы подчеркивают, что в 90-е годы XVIII века царизм проводил очень осторожную, недоверительную политику в отношении азербайджанских правителей. Россия тщательно скрывала колониальную сущность своей политики, скрывая эту сущность под маской спасительницы в случае османской или гаджарской угрозы [1,106-107].

Таким образом, авторы справедливо показывают, что руководство России использовало обращения азербайджанских ханов за российским покровительством исключительно в собственных интересах.

В свою очередь, рассматриваемые в работах эти обращения азербайджанских ханов к России, подразумевали их нежелание терять свою независимость, служили основанием для утверждения проводимой ими политики лавирования [1,с.106-111]. Исследователь Р.Гусейнов, в работе которого главной задачей является проследить и доказать принадлежность территории Азербайджана и аборигенность его народа – азербайджанцев, убежден, что «Азербайджан, разделенный на ханства, даже в смутный период, когда за регион шла борьба между тремя

империями: Ираном, Турцией и Россией, стремился к сохранению своей независимости»[2,с.94].

Рассматривая пути осуществления планов России в данном регионе, исследователи уделяют внимание изменению средств политики царизма в зависимости от определенных событий или явлений. Справедливо представив Гаджарскую империю государством, чьи интересы в Южном Кавказе сталкивались с интересами России, нашествие Ага Мухаммеда Гаджара объективно расценивается как ускоряющий фактор для перехода от осторожной политики российских властей к военным действиям, о чем свидетельствует организованный Екатериной II поход российских войск во главе с В.Зубовым [1,с.111-112].

Авторы указывают на преемственность политики Петра I, отражением чего считают Манифест Екатерины II, изданный перед походом, и завуалирование в нем подлинных целей и задач вступления российских войск в регион [4,с.551]. Говоря о преемственности политики России, уместно будет обратить внимание на вывод исследователей о том, что несостоятельность Петра I в осуществлении плана окончательного завоевания Азербайджана в дальнейшем была компенсирована умелым завершением этого дела его преемниками [8,с.15].

Вместе с тем, следует отметить, что даже с учетом политики лавирования азербайджанских правителей, в работах констатируется склонность большинства азербайджанских ханов к получению помощи от России, в надежде противостоять открытой угрозе гаджаров уничтожить независимые ханства. Более того, некоторые историки высказывают мнение, что российская ориентация ряда азербайджанских правителей сыграла решающую роль в нашествии Ага Мухаммед Гаджара, в частности – в Грузию и Азербайджан [1,с.227,232;2,с.105;9,с.25].

В качестве средств реализации захватнической политики царизма называется религиозный фактор. Авторы обосновывают недоверительное отношение азербайджанских правителей к Зубову поджигательской ролью армянского лидера Аргутинского, дезинформационными действиями армян, направленными на создание христианского государства на азербайджанских землях, и т.д. [1,с.113;8,с.10-12].

Вместе с тем, в большинстве работ дана обоснованная характеристика нашествия Ага Мухаммеда Гаджара как повлиявшего на международный престиж Екатерины II, а поход В.Зубова представлен претенциозной реакцией на действия Ага Мухаммеда в этом регионе. Даже ограничиваясь перечислением азербайджанских городов, временно захваченных во время похода Зубова, подчеркиваются намерения России нанести удар Ага Мухаммеду в Южном Кавказе [9,с.33;2,с.106;и др.].

Следует отметить, что рассуждения исследователя Бочарникова могут явиться важным подтверждением всей трагичности для России предпринятого Павлом I отзыва российских войск. Представив действия Павла I, как отрицание политики Российского государства при Екатерине II, автор говорит о негативном влиянии их на престижные, устойчивые позиции России в Южном Кавказе[7].

Поход Зубова привлекает особое внимание исследователей, рассматривающих его, как попытку, хотя и безуспешную, продолжить и завершить захватнические планы Петра I в Южном Кавказе, и, в первую очередь, в Азербайджане.

Несмотря на прерывание похода российских войск в 1797 г. авторы ряда статей, помещенных в научных журналах, выдвигают на передний план избранный Россией стратегический курс, предусматривающий захват Россией указанного региона. Отражением последнего является антигаджарский Георгиевский договор, подписанный в 1802 г. между некоторыми правителями Азербайджана и Дагестана с Россией. Наряду с попытками прояснить в этом договоре политические и торговые цели царизма [1,с.115-120], авторы справедливо расценивают его как очередной шаг, завуалировавший подлинные намерения России в регионе. По их мнению, создание, согласно этому договору, федеративного государства в Южном Кавказе фактически явилось подготовкой окончательного вхождения региона в состав России. Уместно выпячивается вывод о безуспешности и показном характере Георгиевского договора 1802 года, подтверждением чему явилась «собственная агрессивная политика» царизма, направленная на реализацию захватнических целей в данном регионе [4,с.574-575,577]. Неслучайно, Георгиевскому договору 1802 года дается объективная оценка, как бессмысленному с самого начала его заключения, «так как Россия сразу же стала нарушать его условия, попирая права других участников» [10,с,26].

Авторы вполне обоснованно подчеркивают, что Георгиевский договор 1802 г., подписанный уже после начала присоединения азербайджанских земель в 1801г.□, свидетельствует об использовании Россией любых средств, и, в то же время, о ее приверженности старому способу завуалирования захватнических целей в Южном Кавказе, в том числе в Азербайджане.

В подтверждение можно показать и неравноправные договоры, заключенные со стороны России с рядом азербайджанских ханов, в том числе Кюрекчайские договоры 1805 года с Гарабагским и Шекинским ханствами, и относящиеся к характерным чертам политики России в начале завоевательного процесса в южнокавказском регионе. Раскрыв мотивацию данного шага со стороны азербайджанских правителей,х

заключавшуюся вовсе не в добровольности, а в принудительности, авторы подчеркивают исключительно неравенство сил, и констатируют устойчивость двойственности политики России, отказывавшейся признавать полную независимость азербайджанских государств-ханств [11,с.5-6;12,с.152]. А с другой стороны, обстоятельное рассмотрение этих договоров объясняется вниманием к ним, как к показателю значимости для России на этом этапе данного средства с целью овладения этих территорий. Уместным является вывод исследователя Ф.Аббасова о том, что «изменились методы, но цель оставалась прежней» [13,с.124,125].

В свою очередь, выпячивается значение для России Кюрекчайских договоров, как возможности проникновения вглубь Азербайджана и начало ликвидации независимых северных ханств Азербайджана и превращения их в провинции Российской империи [13,с.172-175].

Однако, можно встретить и суждение, игнорирующее проводимую гарабагским ханом политику лавирования, а значимость Кюрекчайского договора автор видит в том, что он положил «начало его (гарабагского хана – М.И.) политической переориентации на Россию» [14,с.40].

Авторы ряда статей упоминаемого ранее сборника «Россия и Кавказ: история и современность» демонстрируют субъективный подход, направленный на оправдание России и обоснование ее захватнических целей здесь пророссийской ориентацией кавказских народов, неправомерно включая и азербайджанский народ. Они не воспринимают независимость ханств, стремление феодальных правителей к сохранению своей самостоятельности, и нарочито называют их иранскими приспешниками. Факт подписания договоров о вступлении в состав России, к чему вынудили ханов обстоятельства, пытаются донести до читателя, как добровольное признание российского протектората [15,с.368,369,370].

В связи с последним, хочется представить и суждение исследователя О.Кузнецова, проследившего высокий уровень социально-экономического развития ханств Северного Азербайджана к началу XIX в., и даже превосходящий южные ханства Азербайджана. Наряду с политической враждебностью к Гаджарскому Ирану он говорит о наличии экономических «резонов» якобы для добровольного перехода Гарабагского, Шекинского и Шамахинского ханств под протекторат России. Вводя понятие о поэтапной военно-хозяйственной колонизации южно-кавказского региона Россией, вместо аннексии, автор пытается оправдать их т.н. «добровольный переход» существованием экономической и политической непримиримости между ними и Гаджарской империей [3,с.36-37].

Следует отметить, что рассматриваемые работы демонстрируют отсутствие изменения в целеустремленной политике царизма, заключавшейся в стремлении реализовать давно начертанные планы по завоеванию Азербайджана, как и Южного Кавказа - в целом. При этом убеждаешься в использовании Россией всех средств и методов для достижения поставленной задачи. Вместе с тем, особняком стоит переселенческая политика царизма, хотя в этом вопросе авторы справедливо утверждают преемственность политики Петра I.

Насильственный раздел Азербайджана и переселенческую политику царизма□ можно представить итогом не только вышерассмотренных азербайджано-российских отношений XVIII-нач.XIX вв., но и отправной точкой этих отношений в будущем. Отсюда, неслучайно переселенческая политика России явилась предметом многих исследований. Вместе с тем, в настоящей статье, исходя из поставленных задач, основное внимание уделяется лишь отдельным аспектам этой переселенческой политики в Северном Азербайджане на начальном этапе. Авторы объективно указывают цель переселенческой политики, как части колониальной политики России на Кавказе - в целом, в Азербайджане - в частности, заключавшейся в создании христианской опоры под влиянием искусственной «христианской приверженности» – заселении христианами, прежде всего армянами, исконных азербайджанских территорий. Говоря о переселении армян на территорию Азербайджана на основе XV статьи Туркменчайского договора и об их особой роли в политике христианизации, приводятся убедительные аргументы, подтверждающие их отношение к этим фактам [16,с.40-41,43;17,s.209-210]. . А раскрывая мотивацию использования Россией именно армян в качестве орудия в претворении захватнической политики царизма, в частности, в деле создания «буферной зоны» упоминаемый ранее О.Кузнецов отмечает, что «армяне на то время оказались доступнее и дешевле» [18,с.29].

В свою очередь, авторы твердо и объективно относят изменение этнодемографической карты в Северном Азербайджане именно к пагубным последствиям переселенческой политики России в данном регионе. Тем самым подвергаются критике взгляды некоторых историков, представлявших данное переселение как желание армян вернуться на родину[16,с.74-75;2,сс.120-126,128;17,с.209-211;4,s.674;и др]. Неслучайно Бочарников, как и почти все представители советской историографии, территории азербайджанских ханств – Иреванского и Нахчыванского ханств называют «Восточной Арменией» [7], хотя до завоевания Россией, исторически относительно указанных территорий такого понятия не существовало.

Называя Паскевича «прародителем» переселения армян из Гаджарского и Османского государств на азербайджанские земли, □Кузнецов О. дает точную и глубокую оценку действиям и армян, и России, при попустительстве которой, в частности - именно Паскевича, «...осев и укоренившись здесь под защитой русского оружия, [армяне – М.И.] стали заявлять о своей автохтонности и праве на национальную государственность»[18,с.28-29]. Важно отметить, что авторы показывают переселенческую политику рационально задуманной политикой царизма. Рассматривая последовательность переселения армян из Гаджарского и Османского государств в стратегически важнейшие азербайджанские земли – Иреван, Нахчыван, Гарабаг, а также приведенные цифры дают ясное представление о создании российскими властями выгодных условий для армян, составлявших мизерное число в азербайджанских ханствах, тем самым противопоставляя христиан азербайджанцам, подвергавшимся разорению в результате жестокой и коварной политики царизма в отношении азербайджанского населения [19,s.279-280;14,с.43,44-47].

Важно отметить, что в ряде работ акцентируется на создании Армянской области □ вместо упраздненных Иреванского и Нахчыванского ханств, что отвечало интересам «имперской геополитики, диктовавшей их превращение в заселенный «единоверцами» буфер России на стратегически важных турецком и персидском направлениях» [14,с.44].

Уместно будет подчеркнуть внимание к оценке ряда российских ученых нач. XX в., через 100 лет после завоевания азербайджанских ханств Россией, отрицательных последствий ее колонизаторской политики в данном регионе, связанных именно с захватом большого числа земельного пространства [14,с.49-50].

Таким образом, рассматривая аспекты переселенческой политики царизма, современные исследователи раскрыли роль «армянского фактора» в осуществлении Россией целеустремленной экспансионистской политики в Южном Кавказе и, в особенности, на территории Азербайджана.

Сегодняшние реалии требуют раскрытия всей сути и последствий XV статьи Туркменчайского договора. Авторы справедливо подчеркивают всю трагичность раздела Азербайджана согласно этому договору между Россией и Гаджарским государством.

Заключение. Подытоживая вышеизложенное, важно отметить, что рассматриваемые работы исследователей являются отражением развития основных направлений современной исторической науки. Рассмотрев колониальную направленность политики России со времен Петра I, исследователи, за исключением некоторых, справедливо и объективно наблюдают ее вплоть до окончательного завоевания Северного

Азербайджана Россией. При этом укреплению позиции авторов в оценке изначального стратегического курса царизма способствовало исследование ими факторов, воздействующих на трансформацию азербайджано-российских отношений во II пол. XVIII – нач. XIX вв. Безусловно, богатая источниковедческая база, сформировавшаяся в результате широкого использования архивных пластов и огромного числа литературы, позволила этим историкам раскрыть этапы реализации российской политики в данном регионе в указанный период.

Дифференцированный подход авторов к изучению южнокавказской политики России, исходя из положения Азербайджана, убеждает в преимуществах экспансионистской политики России. Развитие азербайджано-российских отношений в современных условиях приводит к важности и необходимости данных работ и делает актуальным историографический обзор данной темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рагимли Г. Азербайджанские ханства в дипломатических отношениях Турции, России и Ирана (вторая половина XVIII–начало XIX веков). Баку, 2018
2. Гусейнов Р. Азербайджан и армянский вопрос на Кавказе. Баку, 2015
3. Кузнецов О. Накануне Гюлистанского мира. Ханства Северного Азербайджана в начале XIX века - Журнал «Ирс»(Наследие), №2 (68), 2014
4. Azərbaycan tarixi: uzaq keçmişdən 1870-ci illərə qədər. Bakı, 1996
5. Гасанов М. Георгиевский трактат 1783 года и его значение в развитии русско-кавказских взаимоотношений – Россия и Кавказ: история и современность. Международная научная конференция 22 октября 2009 года. - Махачкала, 2010
6. Наджафли Г. Планы создания армянского государства на азербайджанских землях во II половине XVIII века – Журнал «Ирс», №6 (72), 2014
7. Бочарников И. Кавказ в истории России. Истоки интересов России на Кавказе. –<https://nic-pnb.ru/articles/kavkaz-v-istorii-isto...>
8. Əsədov F., Kərimova S. Çarizmi Azərbaycana gətirənlər. Bakı, 1993
9. Tahirzadə Ə. Ağaməhəmməd şah Qacar (Tərcümeyihal oçerki). Bakı, 2002
10. Гусейнова И. История народов Кавказа (новый и новейший периоды). Баку, 2006

11. Гасанлы Дж. Азербайджанская дипломатия и Карабах: от Кюрекчайского договора до большевистской оккупации. – Журнал «Ирс», №5(47), 2010.
12. Исмаилов Э. Ханы Карабахские: происхождение рода, подчинение ханства Российской империей и упразднение ханской власти – Кавказ, т.8, вып. 1-2, 2014
13. Абасов Ф. Гарабагское ханство. Баку, 2007
14. Джамал С. Карабах в административно-политической системе Российской империи в XIX-начале XX вв.-Журнал «Ирс», №2-3 (14-15), 2005
15. Абдуллаева М. Гюлистанский мирный договор 1813 года и утверждение России на Кавказе – Россия и Кавказ: история и современность. Международная научная конференция 22 октября 2009 года. –Махачкала, 2010
16. Вердиева Х. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане (XIX- начало XX вв). Историко-демографическое исследование. Баку, 2016.
17. Abdullayev M. Xanlıqlar və rus müstəmləkəçiliyi dövründə Şimali Azərbaycanında aqrar münasibətlər (XIX əsrin 40-cı illərinə qədər). Bakı, 2005
18. Кузнецов О. Генерал-фельдмаршал граф И.Ф.Паскевич – Эриванский – герой, совершивший злодейство? – Журнал «Ирс», № 1 (61), 2013.
19. Məmmədli A. Gəlmələr (Ermənilərin gerçək tarixi). Bakı, 2008.